

Апшеронскій проливъ, отдѣляетъ А. полуостровъ отъ острова Святого; длина 8 в., шир. въ сѣв. концѣ до $2\frac{1}{2}$ в., въ юж. значит. меньше; глуб. до 5 саж.

Ара, или *арасъ*, см. *потуган*.

Араба, *Вади эль*, скалистая долина между заливомъ Акаба Краснаго моря и Мертвымъ моремъ, представляетъ собою южную часть Иорданскаго ущелья.

Арабатская стрѣлка или коса, песчаная коса, дл. въ 105 в., шир. въ $1\frac{1}{2}$ -7 в., отдѣляетъ Сивашъ или Гнилое море отъ Азовскаго, тянется съ сѣв. на югъ отъ мѣстечка Геническа, гдѣ отдѣлена отъ материка узкимъ проливомъ, до сел. Арабатъ. А. с.—наноснаго характера; на ней 2 крупныхъ соленыхъ озера—Геническое и Чокракское; во всю длину ея идетъ дорога изъ Геническа въ Мелитополь.

Арабатскій заливъ, въ Азовскомъ морѣ, образованъ Керченскимъ полуостровомъ и А-й стрѣлкой, ширина 38 в., длина 21 в., не защищенъ отъ сѣв. и сѣв.-вост. вѣтровъ и прибоя.

Арабески, украшенія стѣнъ и колоннъ, употреблявшіяся арабами; въ болѣе широкомъ смыслѣ — цвѣтныя украшенія персидскія, турецкія, японскія; въ еще болѣе широкомъ смыслѣ—всякаго рода произвольныя сочетанія различныхъ формъ, безъ строго выдержаннаго стиля въ противоположность орнаментикъ, которая строго сохраняетъ стиль.

Арабиноза, $C_5H_{10}O_5$, углеводъ изъ группы пентозъ, образуется при кипяченіи аравійской камеди или свекловичной рѣзки съ разведенной сѣрной кислотой, кристаллизуется въ призмахъ, вращающихъ плоскость поляризаціи вправо; темп. плав. 154^0-157^0 . При возстановленіи амальгамой натрія даетъ пятиатомный спиртъ *арабитъ* $C_5H_{12}O_5$. Отъ глюкозы А. отличается неспособностью бродить въ присутствіи пивныхъ дрожжей; при дѣйствіи слабой сѣрной кислоты она даетъ фурфуроль.

Араби-паша, глава египетской націон. партіи, сынъ простаго феллаха изъ Нижн. Египта, род. въ 1841 г., служилъ офицеромъ въ егип. арміи, сталъ во главѣ національной партіи, добился въ 1881 г. созыва нотаблей и

въ февралѣ 1882 г. занялъ мѣсто военнаго министра. Пользуясь слабостью хедива и разрывомъ между державами, А. фактически сдѣлался главой Египта. Онъ устранилъ европейск. финансовый контроль и сталъ добиваться званія вице-короля. А. выставилъ требованіе: Египетъ для египтянъ. Противодѣйствіемъ вѣшателству англичанъ вызвало бомбардировку Александріи (11 июля 1882 г.). А. п. собралъ войско, но 13 сент. 1882 г. былъ разбитъ при Тель-эль-Кебери и сдался англичанамъ, кот. сослали его на Цейлонъ; въ концѣ 1900 г. помилованъ и вернулся въ Египетъ.

Арабиستانъ, персид. провинція, прежній Хузистанъ

Арабкиръ, гор. въ вилайетѣ Мамуретъ-Азизъ, въ М. Азіи, жит. (до 1895 г.) 20.000. Въ 1895 г. здѣсь произошла рѣзня армянъ.

Арабская литература. Исторію арабской литературы удобно дѣлится на періоды: 1) чистоарабскій, 2) общемусульманскій классическій, 3) послѣдн. классическій, 4) упадокъ, 5) возрожденіе подл. вліяніемъ европеизма. *Періодъ арабскій*. Въ формѣ устной лирической поэзіи А. л. процвѣтала еще до временъ мусульманства (въ V—VII в.); къ числу доблестей бедуинскаго витязя принадлежало умѣнье составлять стихотворенія, въ которыхъ поэтъ восхвалялъ свою возлюбленную и прославлялъ свои подвиги и свои качества, своего коня или верблюда, осмѣивалъ враговъ своихъ и своего племени и превозносилъ свое племя надъ всѣми прочими. Въ первые вѣка ислама эти старинныя лирическія произведенія были собраны и записаны (больше всего для цѣлей филологическихъ и стилистическихъ) и, такимъ образомъ, дошли до насъ преимущественно въ видѣ сборниковъ и антологій подл. заглавіями: „Нанизанныя стихотворенія“ („моаллаки“,—Имруль-кайса, ум. ок. 530, Набиги, Антары и др.), „Пѣсни доблести“ („Хамаса“), „Диванъ племени Хозейль“, „Книга пѣсель“ („Китаб-аль-агани“, съ приложеніемъ біографій) и пр. Сохранялись также тѣ или другія особыя стихотворенія, или даже цѣлыя „диваны“ отдѣльн. лицъ—благороднаго Шанфары, плачущей по-

этессы Хансы и др. Основатель ислама Мохаммедъ († 632) для своего Корана избралъ форму римованной прозы, которой держались въ его времена, напримеръ, арабскіе шаманы; стиховъ онъ не умѣлъ составлять и даже ихъ не любилъ; однако арабы-завоеватели I в. ислама слишкомъ мало интересовались симпатіями и идеалами Мохаммеда и продолжали съ любовью развивать свою старинную поэзію языческихъ временъ. Ей покровительствовалъ и ираница халифская династія Омейядовъ (при дворахъ которыхъ не въ Аравіи проживали славные поэты Джариръ † 728, Фараздакъ † 728, христіанинъ Ахталъ † 710, и др.), и только небольшая группа вѣрныхъ послѣдователей Пророка, преимущественно въ Мединѣ, занималась не поэзіей, но изученіемъ и истолкованіемъ Корана, собираніемъ богословско-юридическихъ преданій („хадисовъ“) о Мохаммедѣ и, на основаніи хадисовъ, вырабатывала мусульманскую „сунну“; тогда же, между I—II в. гижры, внукъ Абу-Вакра 'Орва † 713, Шя'бий ибнъ-Шарахиль † 723, и ученикъ Орвы Зохрій, † 742, составляли своды также хадисныхъ матеріаловъ для будущей біографіи Мохаммеда. Нѣкоторые южные арабы, по религіи христіане или евреи, пришедшіе изъ старокультурнаго Йемена въ Дамаскъ къ Омейядамъ и обратившіеся въ исламъ, положили начало всеобщей исторіи на арабскомъ языкѣ (фантазеръ Вахбъ ибнъ Мюнабихъ); куфійцемъ Абу-Мыхнафомъ, враждебно настроен. противъ Омейядовъ, положены были начатки свѣтской исторіографіи мусульманскаго періода (завоеваніе Ирака).

Общемусульман. классическій періодъ (VIII—XI в.). Въ 750 г. Омейядовъ свергли, при помощи персовъ, Аббасиды, утвердили свою столицу въблизи Персеи и дали въ халифатъ перевѣсъ персамъ, которые, подъ внѣшней оболочкой языка арабскаго, могли возстановить свою старую сасанидскую (т. е. персидско-греко-сирскую) культуру, науку и литературу и, съ цѣлью хорошо понимать арабскій языкъ и исламъ, создали новую науку—арабскую филологію—и научно разработали мусульманское богословіе. Въ Басрѣ,

на пограничѣ между областями арабовъ и персовъ, вліяніе персовъ началось даже раньше, еще при Омейядахъ, когда, напр., ибнъ-эль-Мокаффа (казненный въ 757) переводилъ съ персидскаго языка на арабскій языкъ индійскія притчи о шакалахъ „Калилѣ и Димнѣ“, иранскую „Книгу царей“, нѣкоторыя философск. сочиненія Аристотеля и т. д.; и вотъ теперь, при аббасидахъ, на основаніи принцип. Аристотелевой *Περὶ ἔρμηνείας*, другъ ибнъ-аль-Мокаффы Халиль-басрїецъ († 791) и его ученикъ и преемникъ Сибавейхъ († 793) составили арабскую грамматику. Халилемъ былъ также составленъ первый арабскій словарь (вытѣсненный въ X в. словаремъ Джаухарія, † 1002), и установлена система арабской метрики, оставшаяся авторитетной вплоть до нынѣшнихъ временъ; продолжатели Халиля работали надъ установленіемъ образцовой арабской фразеологіи и синонимики, для чего руководствовались и языкомъ доисламскихъ стихотвореній, которыя тогда-то и были собраны въ видѣ моаллака и другихъ антологій, и языкомъ Корана, и наблюденіями надъ рѣчью современныхъ имъ кочевыхъ, примитивныхъ бедуиновъ*); при этомъ т. назыв. „куфійская“ школа Кисаія († 805) разрѣшала, въ противоположность педантичнымъ „басрїйцамъ“, дѣлать нѣкоторыя грамматическія отступленія отъ типа старинной рѣчи въ пользу живого, разговорнаго языка. Отчасти филологическое, но гораздо больше догматическое и юридическое вниманіе въ Коранъ привело арабо-персовъ къ созданію обширнѣйшей литературы комментаріевъ на Коранъ, „корановѣдѣнія“, которая, наконецъ, вѣка черезъ полтора, выразилась въ компилятивномъ исполненіемъ сводѣ Табарія († 923). Стараясь установить научную систему мусульманскаго права, консервативный арабъ Маликъ († 795), либеральный персъ Абу-Ханифа († 767), Шафій († 820) и ибнъ-Ханбаль († 855)

* Въ составленіи сборниковъ доисламскихъ стихотвореній дѣйствовали конечно и побужденія просто эстетико-художественныя; это, напримеръ, вполне можно сказать про составленіе „Хамасы“ Абу-Теммамомъ († 846).

основали четыре до сих поръ извѣстныхъ богословско-юридическихъ школы (школа Софьяна Саврія и Дауда Зѣхирія не дожили до нашихъ временъ); для поддержки консервативной школы Малика, Бохарій (840), Мюслимъ Нипѣбургскій († 875) и другіе собрали циркулировавшую по халифату необъятную массу хадисовъ или суннѣ, въ которыхъ сообщались якобы подлинныя свѣдѣнія о личныхъ поступкахъ Мохаммеда и его предписаніяхъ касательно всякаго житейскаго случая. На основаніи, какъ тѣхъ жизнеописательныхъ хадисныхъ матеріаловъ, которые были собираемы Орвою, Зохріемъ и пр. еще въ періодъ омейядскій, такъ и на основаніи другихъ хадисовъ, мединецъ, ученикъ Зохрія, ибнъ-Исхакъ († 768), переселившійся въ новую столицу халифа Мансура Багдадъ, потомъ Вѣкыдій († 823), и его секретарь ибнъ-Са'дъ († 845) составили старѣйшія дошедшія до насъ связныя біографіи Мохаммеда. Послѣ этого быстро стала двигаться и историографія свѣтская, уско-ряемая также честолюбивыми мотивами генеалогическими и подражаніемъ Библии, анналистикѣ сирийцевъ, персовъ и другихъ старо-культурныхъ народовъ; важны историки: Балѣзорій († 892), ибнъ-Котейба († 889), Динаварій († 895), компиляторъ колоссальнаго свода „Всеобщей исторіи“ Табарій († 923), Мас'удій († 956), историкъ литературы и культуры андалусецъ ибнъ-Абдъ-Раббихъ († 940). Изъ побужденій практическихъ (напр., для цѣлей врачеванія) халифъ Мансуръ (754—775) покровительствовалъ занятію науками естественными и философскими; тѣмъ же побужденіемъ руководился и Харунъ-ар-Рашидъ (786—809); но сынъ персіянки халифъ Мамунъ (813—833), извѣстный возведеніемъ рационалистическаго богословія („мотазиллизма“) на степень государственнаго вѣроисповѣданія, покровительствовалъ спеціально въвлеченной философій; при немъ и его преемникъ жилъ философъ-аристотеликъ Киндій, и была организована изъ сирскіхъ нестор. христіанъ въ Багдадѣ цѣлая переводческая коллегія, которая переводила на арабскій языкъ съ сирскаго греческія аристо-

телевскія и неоплатоническія философскія произведенія. Такъ появилась у арабовъ обильная переводная научная литература по высшей философій, математикѣ, медицинѣ, физикѣ, космографіи, астрономіи, географіи и т. д.; разносторонній энциклопедистъ Джахызъ (философъ, филологъ, географъ, отчасти естественникъ и т. п., † 869), большой арабскій націоналистъ и даже врагъ персовъ, сильно популяризовалъ эту нововведенную классическую науку своими талантливыми полубеллетристическими произведеніями, а другіе арабскіе ученые вели дальнѣйшую самостоятельную работу въ этой области, дѣлая новыя успѣхи въ математикѣ, физикѣ, химіи, естествознаніи, медицинѣ. Какъ слѣдъ храненія и разработки классической науки арабами во времена европейскаго варварства, множество арабскихъ словъ донинѣ остались всеобщими научными терминами, напр., эликсиръ, алкоголь, алкалы, алгебра, цифра, зенитъ, надиръ, азимутъ и пр. и пр. Въ частности, что касается одной изъ наукъ — космо географіи, то надо замѣтить, что общая система землевѣдѣнія у арабовъ мало пошла далѣе Птоломея (его переводилъ Киндій и др.); но за то мѣстная географія халифата, начатки которой самостоятельно вытекали изъ необходимости описывать отдѣльныя области государства для податныхъ (хараджныхъ) цѣлей, разработана была арабами очень хорошо, а географія иноземная, вызванная политич. и торгов. отношеніями халифата къ сосѣдямъ, воспоминаніями плѣнниковъ, путешественниковъ, предпримчивыхъ арабскихъ купцовъ и пр., представляеть и для нынѣшнихъ европейцевъ (для русскихъ тоже) первостепен. исторической интересъ. Особенно важны ибнъ - Хордадбехъ (844), Я'кубій (891), ибнъ-Росте (903), путешествовавшій по землѣ хазаръ и Волгѣ ибнъ - Фадланъ (921), Бальхій († 934), котораго потомъ обрабатывали Истахрій (951) и ибнъ-Хаукаль (977); одинъ изъ лучшихъ, заключающихъ эту серію—Мокаддасій или Макидисій (985). Замѣчательно, что, относясь съ благоговѣніемъ къ греческой наукѣ, арабы не чувствовали никакого вкуса къ гре-

ческому эпосу „Илиадъ“ и „Одиссея“, которыми всегда восхищалась вся Европа. Въ области изящной словесности чужое влияніе проявлялось у арабовъ преимущественно переводами и обработками повѣстей персидскихъ, персидско-индійскихъ и т. п.: напр., упомянутыхъ „Кашилы и Димны“ (VIII в.), иранской „Книги царей“ (VIII в.), „Синдибадовой книги о женскомъ лукавствѣ“ (VIII—IX в.),— иначе „Семь мудрецовъ“, „Повѣсти о Варлаамѣ и Юсафѣ“ (VIII в.), „Тысячи повѣстей“ (IX в.), „Страствованій морехода Синдбада“ (вѣроятно, обработанныхъ въ приморской, торговой Басрѣ) и т. д. Лирическая арабская поэзія въ общемъ никогда не теряла своей націонал.-арабской окраски и старалась даже рабски подражать доисламскимъ бедуинскимъ образцамъ, которые, какъ сказано выше, были собраны въ антологіяхъ („Моаллаки“, „Хамаса“, огромная „Книга пѣсенъ“ Абульфараджа Испahanскаго X в. и др.). Однако, совсѣмъ уйти отъ персидскаго влиянія арабская поэзія не могла ни въ содержаніи, ни даже въ формѣ (модификаціяхъ просодии); такъ, ясно персидскій, почти зороастрійскій духъ проникаетъ собою вольнодумныя стихотворенія Бешшара ибнъ-Бурда Стѣпного († 783), а знаменитѣйшій арабскій поэтъ, „арабскій Гейне“ Абу-Новâсъ († 813), по матери персъ, подвергъ доисламскую манеру жестокому выщучиванію и мѣткому пародированію и призывалъ поэзію жить реальными интересами новой культурной жизни. Этотъ остроумный и иногда разнузданный гедоникъ Абу-Новâсъ былъ любимымъ поэтомъ при дворѣ халифа Харуна-ар-Рашида (786—809), который навѣки оставилъ по себѣ сказочную славу своимъ покровительствомъ поэзін и блескомъ своего багдадскаго двора; фантастическія народныя легенды о Харунѣ и его обстановкѣ образовали впоследствии (ок. X вѣка) одинъ изъ слоевъ незавершеннаго еще сказочнаго сборника „1001 ночь“, имѣющаго въ своей основѣ переводъ стариннаго персидскаго сборника „Тысяча повѣстей“.—Съ багдадскими Аббасидами VIII—IX в. соперничали въ X в. кордовскіе Омейяды, покрыв-

шіе Андалусію сѣтью академій, высшихъ и среднихъ школъ; однимъ изъ усерднѣйшихъ (быть можетъ, даже чересчуръ усердныхъ) панегиристовъ Абдеррахмана III Побѣдоноснаго былъ извѣстный литературно-историческій антологистъ ибнъ-Абдъ-Рабихъ († 940). Въ то время, какъ у багдадскихъ халифовъ началась уже клерикальная реакція, даровитый и образованный испанскій халифъ Хакамъ II (961—976) собралъ огромную бібліотеку, сохранившую 400.000 томовъ, и, по словамъ историковъ, не только внимательно прочелъ всѣ книги, но и сдѣлалъ на поляхъ свои приписки; во всѣхъ главныхъ городахъ востока у него были свои агенты, поставлявшіе и старыя рукописи и новинки за дорогую цѣну (Абуль-Фараджу за первый экземпляръ его „Китаб-аль-агани“ было послано отъ Хакама 1000 червонцевъ); при немъ почти каждый въ Испаніи умѣлъ читать и писать, а университетъ кордовскій славился во всемъ мірѣ.—У халифовъ багдадскихъ наступившее реакціонерство объясняется упадкомъ ихъ политической власти: видя разложеніе халифата и отпаденіе Персіи, они вступили въ союзъ съ мусульманскими клерикалами и, выступая какъ первосвященники и преемники Мохаммеда, объявили ересью рационалистическое богословіе, философію и всѣ естественныя и точныя науки. Такое осужденіе науки они успѣли внушить народной массѣ (въ чемъ имъ хорошо помогъ отпавшій отъ мотазилізма Аш'арій, † 935); однако, остановить умственное движеніе среди просвѣщенныхъ круговъ общества безсильные халифы не были въ состояніи, и недалеко отъ ихъ резиденціи Багдада, гдѣ халифы жили плѣнниками съ 945 г. у шитской династіи Бовейхидовъ, въ Басрѣ образовалъ обширное общество философско-перипатетиковъ, называвшееся „вѣрные друзья“ и стремившееся имѣть отдѣльныя логи въ другихъ городахъ халифата; „вѣрные друзья“ составили объемистую популярную философскую энциклопедію, въ которую, въ качествѣ пропедевтики, входили также науки естественныя и, на первомъ мѣстѣ, математическія, ненавистныя клери-

каломъ за то, что они приучаютъ челава́ка точно мыслить и полагаться только на логическія доказательства. При дворахъ нововозникшихъ независимыхъ княжескихъ династій (саманидовъ въ Бохарѣ, хамданидовъ въ Сиріи, шитовъ-буидовъ въ зап. Персіи, которые въ своей зависимости держали и багдадскаго халифа, и у др.) философы находили прямое покровительство; напр., у хамданида Сейфеддовле въ Алеппо—аль-Фараби († 950), въ Персіи—врачъ и философъ ибнъ-Сина († 1037, Авиценна), труды которыхъ затѣмъ пригодились въ Испаніи. Дворъ алеппскаго хамданида Сейфеддовле (944—967) былъ вообще очень оживленнымъ умственнымъ центромъ; тамъ жилъ его братъ—поэтырьцарь Абу-Фирасъ († 968); туда являлся и знаменитый странствующій панегиристъ Мотанаббій († 965), готовый, впрочемъ, за деньги прославлять кого угодно и, получивши денегъ меньше ожиданія, писать ядовитыя сатиры на нетароватаго покровителя; все-таки талантъ его настолько цѣнился и гремѣлъ, что, напр., поэта ибнъ-Халия († 973) въ видѣ высокой похвалы называли „западнымъ Мотанаббиемъ“; тамъ же въ Алеппо, хотя и вдали отъ двора Сейфеддовле, жилъ величайшій арабскій поэтъ-мыслитель пессимистическаго направленія, Абуль-Аля Ма'аррійскій († 1057). Историко-библиографическій обзоръ тогдашней и предшествовавшей литературы далъ Надимъ въ „Фихриств“ (до 988 г.); обзоръ ученій вольнодумцевъ, еретиковъ и сектантовъ находится у андалусца ибнъ-Хазма († 1064) и, поозже, у хорасанца Шехрестанія († 1153).

Послѣ классическій періодъ (XI—XV вѣкъ). Разореніе, начатое въ XI вѣкѣ газневидами и сельджуками и продолженное въ XIII в. монголами, равно какъ вытѣсненіе арабовъ изъ Испаніи, тяжело отразилось на судьбахъ арабской литературы; однако, упала она не сразу и кое въ чемъ ярко блистала вплоть до наступленія господства турокъ-османовъ (XVI в.). Даже отъ грозныхъ, губительныхъ походовъ Махмуда Газневидскаго была, напримѣръ, та польза, что, распространивши мусуль-

манскія владѣнія въ предѣлы Индіи, они позволили аль-Бирунію († 1048), прекрасному естествоиспытателю, астроному, математику и историку, получить ознакомиться съ индійскою наукою и культурой и ввести въ арабскую науку много новаго. Вслѣдствіе стараній знаменитаго сельджукскаго Меликъ-шахова визирия, перса Низамольмолька, Багдадъ въ концѣ XI и нач. XII вѣка былъ очень оживленнымъ научнымъ и умственнымъ центромъ. При сельджукахъ и даже при монголахъ процвѣтала астрономія, нужная для астрологии; да и вообще сразу погибнуть для старой культуры было бы трудно. Скептикъ-философъ Газзалий († 1111), перешедшій на сторону клерикаловъ, могъ себя побѣдоносно иронизировать надъ философіей и точной наукою, писать разсужденія о „Крушеніи философовъ“ и торжественно провозглашать „Оживленіе наукъ религіозныхъ“,—онъ находилъ себя и теоретическое и практическое опроверженіе у испанскихъ аристотеликовъ—ибнъ-Баддже († 1138), мечтательнаго идеалиста ибнъ-Тофейля († 1185) и особенно ибнъ-Рошда († 1198); по ибнъ-Рошду (Аверроэсу) читался Аристотель и въ средневѣковыхъ университетахъ Европы; ненавистныя для Газзалия математика и естественныя науки дали такихъ работниковъ, какъ алгебраистъ и астрономъ Омаръ Хейямъ († 1121, онъ же и философъ, ученикъ Авиценны, знаменитый вольнодумный персидскій поэтъ-скептикъ) и, даже вѣкъ спустя, ботаникъ ибнъ-Бейтаръ († 1248); къ западно-арабскимъ ученымъ европейцы, искавшіе знанія, ѣздили учиться, или, какъ это сдѣлалъ сицилійскій король Рожеръ II съ землевѣдомъ Идрисіемъ (1154), просили арабовъ составлять для нихъ ученые своды: арабскіе врачи (они же обыкновенно „хакимы“=„мудрецы“, или философы) продолжали по-прежнему славиться на весь міръ, и для Европы имя Авензоаръ (=ибнъ-Зухръ, † 1162) было такимъ же священнымъ именемъ, какъ прежде Разесъ (Абу-Бакръ Разій, † 923) и Авиценна (ибнъ-Сина, † 1037); арабскіе путешественники, напр., ибнъ-Джобейръ (1183), отчасти ибнъ-Багута († 1377) и др. своими описаніями ясно намъ показываютъ, насколько еще

арабы продолжали культурно превосходить Европу. Все-таки, въ виду уменьшения числа ученых, въ наукѣ арабской этого послѣклассическаго періода замѣчается преобладаніе эклектизма надъ самостоятельной работой, замѣчается постепенное усиленіе наклонности собирать плоды исчезающей учености въ видѣ специальныхъ справочныхъ словарей, энциклопедій и т. п., особенно со временъ монгольскаго погрома; такъ поступали географъ и словарникъ-біографъ Якутъ († 1229), космографъ Кавиній († 1283), космографъ Димшикій († 1327), космографъ и зоологъ Дамирій († 1405), энциклопедистъ Джаузій († 1200), Фахреддинъ Разій († 1209), Насиреддинъ Тусскій († 1273) и мн. др., и знаменитѣе всѣхъ (до нашихъ временъ)—вънецъ всѣхъ энциклопедистовъ и политисторовъ Джелиледдинъ Соютый († 1505), который толково компилировалъ прекрасные своды едва ли не по всѣмъ отраслямъ знаний,—и общіе, и частно-спеціальныя, но больше всего, по наукамъ филологическимъ, историческимъ и богословскимъ. Для спасенія классическаго арабскаго языка, основательное знакомство съ которымъ, въ виду постепеннаго уменьшенія класса образованныхъ людей, замѣтно ослабвало, понадобились новыя филологическія работы: для руководства въ стилѣ и фразеологіи составлялись больше, чѣмъ прежде, перечни тѣхъ разговорныхъ выраженій, которыхъ пишущій долженъ избѣгать (Харирій, Джаваликій), дѣлались антологическія выборки изъ прежнихъ образцовыхъ поэтовъ (очень занимателенъ не только по языку, но и по остроумному суфійско-дидактическому содержанію „Мостатрафъ“ шейха Ибшихія, XIV в.); вмѣсто подручнаго, но не детальнаго словаря Джаухарія появились такіе исполнинскіе словари, какъ „Точный“ андалусца ибнъ-Сиды († 1066, 17 томовъ) и „Океанъ“ („Камусъ“) Фирузабадія († 1414); наоборотъ, черезчуръ громоздкій и потому непрактичный грамматическій сводъ Сибавейха уступилъ мѣсто небольшимъ и удобнымъ грамматическимъ руководствамъ въ родѣ стихотворной „Альфійе“ сирийца ибнъ-Малика († 1274), съ комментариемъ египт.

ибнъ-Акыля († 1367), и „Кафіе“ египт. ибнъ-Хаджиба († 1248) съ комментариемъ извѣстнаго персидскаго поэта Джамія (XV в.); подручную и, какъ всѣ его труды, очень умную энциклопедію филологическихъ знаний далъ Соютый. Историки, среди всеобщаго эклектическаго направленія, тоже съ большой охотой отдавались резюмированию свѣдѣній о пережитомъ и исчезающемъ славномъ прошломъ, причемъ нѣкоторые вникали и въ причины упадка. Изъ нихъ одни занимались составленіемъ біографическихъ словарей отдѣльныхъ лицъ, отличившихся въ исторіи, наукѣ, литературѣ, религіозной жизни и пр.; такой словарь философовъ составилъ ибнъ-Кыфтіі († 1248), врачей—ибнъ Аби-Осейбіа († 1269), знаменитыхъ шафитовъ и др.—Нававій († 1278), выдающихся писателей и дѣятелей всѣхъ направленій—ибнъ-Халликанъ († 1282) и т. д., но кто особо любилъ специализировать всѣхъ по отраслямъ и разрядамъ и компилировать отдѣльные словари для дѣятелей каждой отрасли и разряда—это Соютый. Другими историками иногда составлялись обстоятельные очерки исторіи отдѣльныхъ областей и періодовъ (исторію Сиріи писалъ ибнъ-Асакиръ, † 1176, специально періода Саладина—Бегааддинъ, † 1234), но обыкновенно они писали своды или работы характера болѣе общаго: такъ—свидѣтель наступленія монгольскаго погрома, всеобщій историкъ ибнъ-аль-Асиръ († 1232), христіанинъ Абульфараджъ Баръ-Эбрей († 1286), сирийскій удѣльный князь, потомокъ Саладина—Абульфыда († 1331, онъ же и географъ), знатокъ сектъ Новейрій († 1332), историки Испаніи ибнъ-Азарій (XIII в.), ибнъ-Хатыбъ Гранадек. († 1374), египтяне Макризіі († 1441) и АбульМахасынъ ибнъ-Тагрибурдіі († 1469) и опять тотъ же египетскій энциклопедистъ Соютый († 1505). Такіе историки, какъ ибнъ-Тыктака (1302), видя торжество грубыхъ варваровъ-монголовъ надъ цивилизаціей, проводили въ исторію оптимистическое соображеніе, что вѣдь и арабы, завоевывая Иракъ, явились было сокрушителями цивилизаціи, а потомъ оказались ея ревностными двигателями. Вдумчивый запад-

ный арабъ ибнъ-Хальдунъ († 1406) даль философско - прагматическую исторію всего мусульманскаго міра и отдѣльных народностей. Бывали, конечно, и такіе историки, которые обращали свои сочиненія въ ластивые панегирики царствующимъ лицамъ: Махмуду Газневидскому (Отби), Саладину (египтянинъ Имадеддинъ Исфаканій), Тимуру (ибнъ-Арабшахъ и, подавно, персы) и пр. Исторіографія свѣтская перемѣшивалась съ исторіографіей церковной, и у очень многихъ историковъ, наряду съ занятіемъ исторіей, было непосредственное занятіе богословіемъ, — той схоластической наукой, которая во вѣхъ своихъ отрасляхъ продолжала въ XI—XV вѣкѣхъ блестяще процвѣтать и преобладать надъ прочими; важныя явленія — нѣсколько свободомысленный, но авторитетный комментарий на Коранъ — Замахшарій († 1143) и еще болѣе авторитетный — Бейдавія († 1286), каждое слово котораго считается у мусульманъ почти за святое; но въ истинно-научномъ отношеніи гораздо выше стоитъ болѣе полный и болѣе толковый эклектическій комментарий Соютыя; кромѣ того, Соютый составилъ энциклопедію корановѣднія „Итканъ“; онъ же скомпиліровалъ всѣ сборники хадисовъ въ одинъ „Сборникъ сборниковъ“. Въ области богословско-юридической литературы ханифитское право, не забывая прежняго небольшого компендіума Кодурія (1036), обогатилось большимъ, до сихъ поръ чрезвычайно употребительнымъ, сводомъ „Хидая“ Борханеддина Маргинанскаго († 1197), а изъ шафитовъ Мавердій († 1058) начерталъ теоретическую картину желательнаго государственнаго устройства, и Соютый составилъ практическое руководство по шафитскому праву. Такимъ образомъ, заключительное воплощеніе арабской науки есть Соютый. — Очень вѣрнымъ и интереснымъ оразителемъ общественной жизни XI—XV в. является изящная литература. Въ восточныхъ частяхъ халифата успѣхомъ пользуется ученый профессоръ и поэтъ Тантараній (XI—XII в.), пишущій сельджукскому визирю ластивые панегирики, въ которыхъ вдохновеніе и чувство замѣняются вычурно-ученой разработкой

формы и игрою словъ; другой придворный сельджукскій сановникъ, типичный персь-горожанецъ Тогтраи († ок. 1121), высказываетъ разочарованіе къ жизни, которая, по его мнѣнію, дала ему мало почестей и богатства, приторно прославляетъ идиллическую простоту кочевяго быта, рекомендуетъ и аскетическое отреченіе отъ превратнаго міра и снабжаетъ свою проповѣдь отъявленно эгоистическими соображеніями; въ Сиріи крестовые походы помогаютъ сложиться нетерпимому къ христіанамъ воинственному роману про царя Омара - Номана и, пріобрѣтшему необыкновен. популярность, длиннѣйшему рыцарскому роману про доисламскаго богатыря Антара, творца разныхъ удалыхъ подвиговъ, который знатнымъ витяземъ сдѣлался изъ раба; въ Месопотаміи, гдѣ среди лихолѣтъя было раздолье политическимъ и всякимъ авантюристамъ, басріецъ Харирий († 1122) въ своихъ „Макамахъ“ съ увлеченіемъ рисовалъ успѣшныя происхожденія образованнаго нахала-проходимца Абу-Зейда („арабскаго Жиль-Блаза“), и его увлеченіемъ заражался даже Замахшарій, авторъ комментарія на Коранъ. Въ Египтѣ, куда, кстати сказать, монголы не проникли, жились легче; правда, экстагическія стихотворенія пылкаго суфія ибнъ-аль-Фарыда († 1234) проникнуты мистическимъ аскетизмомъ и стремленіемъ уйти отъ жизни, но еще и позже египетскіе элементы „1001 ночи“, которая между XIV—XV в. получила свою окончательную редакцію, бываютъ полны жизнерадостнаго веселья, и только по временамъ въ нихъ прорывается аскетическая, унылая струя. Однако, чѣмъ ближе пора упадка, тѣмъ больше въ литературѣ замѣтенъ этотъ аскетическій пессимизмъ, переходящій по временамъ и въ ханжество; на пессимистической суфійской подкладкѣ построены многіе сборники шутивныхъ анекдотовъ (напр., Тимурова восхвалителя ибнъ-Арабшаха, † 1450, еще болѣе остроумно-поучительный „Мостатрафъ“ шейха Ибнихія, XIV в.), пессимизмъ и отреченіе отъ міра проповѣдуютъ и такіе признанные міромъ ученые, какъ Соютый; при этомъ, если насчетъ Соютыя можно еще думать, что его от-

пельническая проповѣдь и жизнь могли вызываться просто стремленіемъ къ славѣ, обидами его болѣзненнаго самолюбія и, наконецъ, отвлеченно-философскими побужденіями, то всѣхъ этихъ соображеній, пожалуй, нельзя примѣнять въ такой же мѣрѣ къ суфію Шя'ранію († 1565), который жилъ въ ту пору, когда турки-османы уже стали владыками мусульманскаго міра и принесли съ собою умственную и матеріальную гибель востоку: Шя'раній прямо замѣчаетъ, что при всеобщемъ обѣдѣніи народа, поборахъ и вымогательствахъ турецкаго правительства и духовенства сдѣлаться нищимъ-дервишомъ и не имѣть недвижимаго имущества есть не потеря, а прямое практическое благо.

Умидозъ и современное возрожденіе. XV—XIX вѣкъ, при владычествѣ турыхъ турокъ на востокъ и реакціонныхъ мавровъ въ сѣверной Африкѣ, былъ періодомъ паденія А. л. Количественно она продолжала быть довольно богатою, но по содержанию это была большей частью убогая и мертвая схоластика, которая однообразно, бездарно и ханжески пережевывала старыя богословскія и богословско-юридическія темы, переписывала и комментировала старыя произведенія этого рода; практическое значеніе имѣлъ сводъ ханифитскаго права, составленный Ибрахимомъ Алеппскимъ († 1549) и до сихъ поръ принятый въ качествѣ officialнаго кодекса для Османской имперіи. Никогда не прекращавшаяся необходимость изучать мертвую классическую рѣчь, въ качествѣ органа письменности, породила новыя словарно-стилистическія руководства и компіляціи, среди которыхъ выдѣляется, по своему объему и усидчивому исполненію, суммарный колоссальный словарь „Вънчальная корона по изясненію Камуса“ египтянина Зебидія († 1791). Очагомъ этой схоластической дѣятельности былъ схоластическій университетъ при каирской мечети Азхаръ, славный для мусульманъ всего міра. Болѣе живую дѣятельность мы видимъ въ области исторіи, къ которой арабы всегда чувствовали чрезвычайную склонность; выдѣляется бол. сводная исторія арабской

Испаніи, преимущественно культурная — Маккарія († 1632), и непрекращающаяся лѣтопись; отмѣтимъ еще трудолюбивое произв. турка Хаджи-Хальфы († 1658), который составилъ очень добросовѣстный библиографическій обзоръ многовѣковой арабской и вообще мусульманской литературы. — Замершая въ схоластику, арабская литература быстро оживилась со второй четверти XIX в., когда была сокрушена политическая сила Турціи, и европейское вліяніе могло свободно проникнуть въ Египетъ, Сирію, а на западъ—въ Алжирь. Въ Египтѣ высшія учебныя заведенія въ европейскомъ духѣ были основаны хедивами, которые освободились отъ османской власти, а въ Сиріи университеты и среднія школы—американскими и французскими миссіонерами; новая арабская интеллигенція, проникнувшись идеями европейскими, освободилась отъ схоластики и вмѣстѣ съ тѣмъ научилась отъ европейцевъ же высоко цѣнить и горячо любить свою старую классическую литературу золотого періода. Покамѣсть литературные работники поставляются не столько арабами-мусульманами, сколько арабами-христианами; арабъ-христианинъ Вутросъ эль-Быстаній составилъ и энциклопедическій словарь въ родѣ европейскихъ; въ рукахъ преимущественно христианскихъ эмигрантовъ изъ Сиріи находится интересная и богатая арабская пресса въ Египтѣ, гдѣ царитъ свобода печати; подавленная турецкой цензурою, арабская печать въ Сиріи до переворота 1908 г. была менѣе интересна. Изъ научныхъ орган. важны „Мокта-тафтъ“ въ Египтѣ и ученый органъ бейрутскихъ іезуитовъ „Маприкъ“ въ Сиріи. Блестящихъ литературныхъ талантовъ новѣйшая арабская литература не дала; выдѣляются изъ отжившихъ—подражатель старинныхъ классическихъ образцовъ Насыфъ Язиджи и публицистъ и романистъ консервативнаго типа Фарисъ Шидьякъ, изъ современныхъ—насквозь европеизированный романистъ, журналистъ и ученый, Жюрги Зейданъ. Но новыя арабскія литераторы, при всей исперво-классности или посредственности своихъ талантовъ, очень сильны своей

совокупностью, подобно русскимъ литераторамъ времени Екатерины II; не блантая въ мировой литературѣ, они быстро и неуклонно ведутъ талантливую арабскую расу по пути сближенія съ европейской культурой.

См. *Альбр. ф. Кремеръ*, „Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen“ (1877, т. II, стр. 341—484); *К. Броккельманнъ*, „Geschichte der arabischen Litteratur“ (2 т., 1897—1902); *его же* съ такимъ заглав. общедоступная „Geschichte der arabischen Litteratur“ въ серіи Амеланга „Die Litteraturen des Ostens“, т. VI (1901); *С. Нуварт*, „Littér. arabe“ (1902); *Э. Браунъ*, „A. literary history of Persia“, т. I (Л. 1902, посвящ. араб. литер.); *И. Пиччи*, „Letteratura araba“ (1903); *Р. Никольсонъ*, „A literary history of the Arabs“ (1907); *И. Холмогоровъ*, „Очеркъ исторіи арабской литературы“ во II томѣ „Всеобщей исторіи литературы“ Корша и Кирпичникова, Спб., 1895, стр. 269—377 (съ научными промахами и устарѣлая); *А. Крымскій*, „Арабская литер., въ очеркахъ и обзорѣхъ“, т. I (1910). О современ. араб. литературѣ см. *Крымскаго же* „Мусульманство и его будущность“ (М. 1899, особ. стр. 41—104), и *его же*: „Всемиусульман. университетъ при меч. Азхаръ въ Каирѣ“ (М. 1903, отд. изъ „Древностей Восточныхъ“); *М. Гартманъ*, „The arabic press of Egypt“, (1899). *А. Крымскій*.

Арабская лошадь, см. *лошадь*.

Арабскій языкъ, самый богатый между всѣми семитскими языками, изстари, насколько позволяютъ судить имѣющіяся данныя, распался на двѣ вѣтви: 1) сѣверную, или собственно арабскій языкъ, письменные памятники котораго начинаются поздно, и 2) вѣтвь южную, условно называемую языкомъ сабейск., въ который входятъ поднарѣчье болѣе древнее—минейское—и собственно сабейское; отъ него остались многочисленные эпиграфическіе памятники въ Іеменѣ и, черезъ купцовъ, еще кое-гдѣ. Нѣкоторые изъ южно-араб. минейскихъ памятниковъ, вѣроятно, современны еврейскому царю Соломону (X в.), къ которому, по Библии, являлась „дарица савская“, т. е. еще минейская, во всей славѣ своей;

для старѣйшихъ сабейскихъ памятниковъ съ точностью, на основаніи синхронической надписи ассирійскаго царя Саргона, надо признать датой 715 г. до Р. Хр.; значительное же количество памятниковъ происходитъ изъ времени т. н. царства хымъярскаго, т. е. сабейско-рейданскаго (приблизит. отъ 115 г. до Р. Х. до VI в. по Р. Х.) съ Хадрамаутомъ. Незадолго до ислама южно-арабскій языкъ оказался почти вытѣсненъ сѣверно-арабскимъ, и только на южно-арабскомъ побережьи Индійскаго океана, отъ Шихра до Махры, да еще на о-вѣ Сокоторѣ, до сихъ поръ сохранились живые остатки минойско-сабейской рѣчи; къ южно-арабскому яз. близокъ языкъ эоипскій (геэскій, абиссинскій). Отъ *сѣверно-арабскаго языка* (или сѣв.-ар. нарѣчія) старинныхъ памятниковъ нѣтъ, потому что языкъ этотъ долго былъ некультурнымъ. Правда, набатейцы, имѣвшіе задолго до Р. Х. на Синайскомъ полуостровѣ и югѣ Палестины свое царство (до 106 г. по Р. Х.), были по языку сѣверные арабы, но писали они на культурномъ языкѣ арамейскомъ; арабскія слова и формы попадаютъ въ ихъ надписяхъ только изрѣдка, такъ же, какъ въ греческихъ и арамейскихъ надписяхъ сирійской Пальмиры и нѣкоторыхъ городовъ Месопотаміи (Хатры, Эдессы и др.). Старѣйшими сѣв.-ар. памятниками оказываются начертан. посредствомъ сабейскихъ буквъ т. н. надписи лихтянскія (въ сѣверн. Хиджазѣ и южн. Сиріи, время Птолемеевъ) и сафскія (къ югу отъ Дамаска, съ намеками на событія конца набатейскаго царства, ок. 106 по Р. Х.); языкъ этихъ скудныхъ надписей мало чѣмъ отличается отъ болѣе поздняго, хорошо намъ извѣстнаго классическаго языка (Моаллакъ, Корана и т. п.), а въ передисламскихъ надписяхъ Западской (513, подъ Алеппо) и Харранской (568, подъ Дамаскомъ), которые начертаны христианско-арабскими буквами, замѣтны начатки даже т. н. простонароднаго новоарабскаго языка, съ его потерей надежныхъ флексій. Лучшіе, классическіе памятники сѣв.-ар. яз.—доисламскія стихотворенія V—VII в. (въ редакціи, впрочемъ, уже вѣка VIII—IX) и тождественный съ ними въ грамма-